

ALEKSANDRA KLIMKIEWICZ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8606-4475>

Uniwersytet Gdański

ХЕШТЕГИ И ПОЛИТИКА В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ ПОСЛЕ 2022 ГОДА

HASHTAGS AND POLITICS IN THE RUSSIAN-LANGUAGE INTERNET SPACE AFTER 2022

The text examines the functions and meanings of hashtags within the Russian and Russian-language digital space. Hashtags are interpreted as communicative tools, symbolic cultural signs, and mechanisms for constructing and delegitimizing authority. The analysis is grounded in semiotic, pragmatic, and discursive perspectives, presenting the hashtag as a multidiscursive form. Examples of Russian-language hashtags demonstrate their affective, performative, metadiscursive, and mobilizing functions.

Keywords: hashtag, discourse, Russia, social media, digital communication

Современная цифровая коммуникация развивается в тесной связи с технологическими возможностями и языковыми практиками пользователей медиаплатформ. Одним из ключевых инструментов классификации и организации контента в цифровом пространстве стали хештеги — метки, которые облегчают тематический поиск. В данном тексте термины *метка* и *тег* используются как синонимичные обозначения хештега.

Изначально теги рассматривались как операторы систематизации, но быстро превратились в феномен семиотического характера, позволяющий кодировать сложные сообщения и организовывать коллективные нарративы. В научных исследованиях они характеризуются как информационные единицы¹,

¹ См. А. А. Орешкина, Ю. С. Сабаева, *Коммуникативная функция хештега в гиперрадиотексте // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов IX (XXIII) Международной научно-практической конференции молодых ученых (14–16 апреля 2022 г.)*. Вып. 23, Издательство Томского университета, Томск 2022, с. 62–67.

операторы коммуникации², микрокомедиасообщения³ и носители культурных смыслов⁴. Особое внимание уделяется роли хештегов в политическом и гражданском дискурсе, их потенциалу мобилизовать сообщества⁵, формировать медиаповестку, легитимировать власть⁶ или, напротив, усилить поляризацию⁷.

Целью данной статьи является изучение роли хештегов в российском и русскоязычном цифровом пространстве как организующих, экспрессивных и идеологических инструментов. Исследование сфокусировано на функциях, связанных с конструированием идентичности⁸, выражением эмоций и осуществлением (или подрывом) символической власти. Для этого анализируется возникновение хештегов, их функциональные особенности, специфика как элементов дискурсивной практики и интерпретация в рамках семиотического анализа.

Материал исследования составили русскоязычные хештеги, функционировавшие в период с февраля 2022 по июнь 2025

² См. M. Zappavigna, *Searchable Talk: Hashtags and Social Media Metadiscourse*, Bloomsbury Academic, London 2018; A. Klimkiewicz, *#rosjatostanumyslu #60kopiejkzawpis: stereotypy etniczne zakłete w hasztagach*, «Przegląd Ruscystyczny» 2022, № 4, с. 185–205.

³ См. K. Adamska, *Hashtag, czyli komunikat? Rola i funkcje hashtagów na Twitterze*, «Studia Medioznawcze» 2015, № 3 (62), с. 61–70; Е. К. Гурова, Н. Ю. Ломыкина, Д. А. Спиртова, *Хештег как единица медиакоммуникации // Гуманитарные технологии в современном мире. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (30 мая – 1 июня 2019 года)*, РАНХиГС, Калининград 2019, с. 42–45.

⁴ K. Styś, *Funkcje i językowe kreacje hashtagów w języku raperów*, «Słowo. Studia Językoznawcze» 2017, № (8), с. 299–318.

⁵ Z. Papacharissi, *Affective publics: Sentiment, technology, and politics*, Oxford University Press, New York 2015; J. Przyborowicz, *Hashtag a wspólnota medialna w środowisku oporu*, «Zarządzanie Mediami» 2014, nr 2 (2), с. 91–98; М. О. Сквикко, Е. Н. Корнеева, *Цифровая солидарность и использование хештегов как способ маркировки экологических сообществ*, «Коммуникология» 2023, № 11 (1), с. 131–141.

⁶ С. Н. Федорченко, *Хештеги: механизм легитимации политического режима или манипулятивная ловушка?* «Обозреватель–Observer» 2019, № 7, с. 28–41; С. Н. Федорченко, *Власть алгоритма: технологии легитимизации политических режимов в условиях цифровизации*, Проспект, Москва 2023.

⁷ K. Mazurek, *# hashtag – element dyskusji w mediach społecznościowych*, «Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia De Cultura» 2019, № 11 (1), с. 49–65; A. Klimkiewicz, *Hasztag #rosja jako stereotyp wroga*, «Studia Interkulturowe Europy Wschodniej» 2022, № 15, с. 175–189.

⁸ Под конструированием идентичности в данном исследовании понимается процесс формирования индивидуальной и коллективной идентичности в цифровом дискурсе, реализуемый посредством хештегов как средств самопрезентации, позиционирования и выражения эмоций.

года на таких платформах, как Twitter/X, VK, Instagram и Pi-kabu. Отбор эмпирических данных основывался на частотном критерии: в анализ включались только те метки, для которых репрезентативным порогом считалось 5000+ упоминаний согласно встроенным поисковым системам указанных платформ. Исследование опирается на семиотико-прагматический подход, что позволяет выявить многоуровневые функции хештегов, а также механизмы их ресемантизации в противостоянии между государственным дискурсом и альтернативными интерпретациями.

I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ХЕШТЕГА В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Использование решетки (#) для категоризации контента уходит корнями к ранним формам онлайн-коммуникации, поскольку уже в 1990-х годах XX века тег применялся в глобальной и российской конференц-системе IRC (Internet Relay Chat) для обозначения тематических каналов на серверах. В 2007 году та же практика была предложена Крисом Мессиной для объединения тематических групп в среде Твиттера⁹. В результате адаптации тегов в интернет-пространстве они стали выполнять более сложные коммуникативные функции.

Решетка (#) сама по себе не обладает значением, в сочетании со словом, словосочетанием или предложением она превращает его в гипертекст, который связывает публикацию с другими сообщениями и создает контекстное поле для интерпретации. Тег-слово, например, #победа, может вводить пользователя в тему, но сам по себе не создает глубокого контекста. Контекстное поле формируется через сочетание нескольких тегов, которые связывают тему с разными ситуациями, аспектами, оценками и сообществами, например: 1) #победа #программирование #олимпиада #молодцы; 2) #авторомпт #ссср #победа #машина; 3) #память #победа #путин #9мая; 4) #победа #ихтамнет #смех #приколы; 5) #музыка #конкурс #победа #призеры. Теги-сло-

⁹ Как пишет Барбара Собчак, хештег «впервые был использован в Твиттере Крисом Мессиной, который 23 августа 2007 года опубликовал твит «how do you feel about using # (pound) for groups. As in #barcamp [msg]?» (<https://twitter.com/chrismessina/status/223115412>). См. B. Sobczak, *O funkcjach hasztagu na Twitterze*, «Poradnik Językowy» 2020, № 4, с. 36.

восочетания, например, #СилаАрмии¹⁰ или #ЗащитимРодину, конструируют понятия, структурируя признаки и отношения в когнитивную категорию. Теги-предложения, например, #МыНеСдадимся, #НашиНеСдаются, #ТребуемМира, #ПобедаБудетЗаНами, (VK), выполняют функцию выражения позиции или призыва, что придает им характер пропозиции и превращает их в многослойные смысловые конструкции, своего рода понятийные амальгамы значений. Смыслообразующая функция тега усиливается контекстом, который не только маркирует явления, но и концептуально категоризирует ситуации, закрепляется в социально-общественном поле, формируя устойчивые дискурсивные схемы и институционализируя смыслы. На когнитивно-языковом уровне тег выступает как инструмент легитимации понятий и расширения существующих значений, оставаясь зависимым от практики пользователей. В социально-коммуникативной перспективе, как отмечают Аксель Брунс и Жан Берджесс, хештеги превратились в инструмент «координации дискуссии, рассеянной среди большого числа пользователей»¹¹, что позволяет рассматривать их как центральные элементы инфраструктуры цифровых дискурсов. При этом, хотя практика тегирования является глобальным феноменом, в русскоязычном сегменте интернета она приобретает свои локальные свойства.

II. ФУНКЦИИ ХЕШТЕГОВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

На основе доступных научных исследований в области лингвистики, медиалингвистики и социологии можно предпринять попытку создания классификации функций, которые выполняют хештеги в сетевой коммуникации. В качестве примеров бу-

¹⁰ На большинстве платформ пробелы в тегах недопустимы, поэтому используется верблюжий регистр (англ. *camel case*). Это не отменяет статуса словосочетания или предложения на семантическом уровне. Система линейно склеивает форму, но пользователь все равно считывает состав и синтаксис (заглавные буквы, порядок слов), следовательно, интерпретирует тег как сложную единицу.

¹¹ При отсутствии иных указаний в тексте переводы выполнены автором. A. Bruns, J. Burgess, *Twitter hashtags from ad hoc to calculated publics* // N. Rambukkana (ред.), *Hashtag publics: The power and politics of discursive networks*, Digital Formations, vol. 103, Peter Lang Publishing, 2015, с. 14, <https://snurb.info/files/2015/Twitter%20Hashtags%20from%20Ad%20Hoc%20to%20Calculated%20Publics.pdf> (22.02.2025).

дуг использованы теги, отобранные на социальных платформах Twitter/X¹², Instagram, VK, Pikabu.

Авторы хештегов создают сетевую реальность, вызывая реакции, дающие пользователям возможность идентифицироваться с конкретным сообществом: #ярусский, #русские-девушки, #русскиевоины, #патриотсвоейстраны (Instagram) и др. Рут Пейдж считает, что «использование хештегов можно рассматривать как часть перформативной конструкции онлайн-идентичности»¹³. Перформативная функция тегов напрямую связана с аффилиативной функцией¹⁴, поскольку использование хештегов не только осуществляет акт публичного высказывания и самопозиционирования, но и обозначает принадлежность пользователя к определенному сообществу, разделяющему общие темы, ценности или интерпретационные рамки, тем самым формируя и поддерживая коллективную идентичность. Хештеги служат инструментом медиированной аффилиации, позволяя пользователям выражать ценностную или социальную принадлежность [например, #русскийнарод, #мывместе, #своихнебросаем, #СнамиБог, #победители (VK); #путешественник, #спортсмен, #училки, #инстаотец (Instagram)] без необходимости прямого межличностного взаимодействия с другими участниками сообщества. Зизи Папахарисси приписывает хештегам аффективную функцию, поскольку они «выступают в роли аффективных указателей, позволяя аудитории настраиваться на чувства других»¹⁵. Их семантика позволяет выражать индивидуальные и коллективные настроения и эмоции: #грусть, #радость, #гордость, #позитив, #боль, #мрак, #ненависть (Instagram) и др.

Одной из важнейших функций тегов является мобилизующая, которая позволяет инициировать действия, объединять сообщества вокруг проблем, общественных акций и кампаний:

¹² В июне 2025 года Илон Маск объявил о формальном запрете использования хештегов в платном контенте на платформе X, назвав теги «эстетическим кошмаром» (См. *X Bans Hashtags from Ads, Calls Them 'Aesthetic Nightmare'*, «Social Media Today», 26 июня 2025, <https://www.socialmediatoday.com> (26.06.2025)).

¹³ R. Page, *The Linguistics of Self-Branding and Micro-Celebrity in Twitter: The Role of Hashtags*, «Discourse & Communication» 2012, № 6 (2), с. 185.

¹⁴ M. Zappavigna, *Ambient affiliation: A linguistic perspective on Twitter*, «New Media and Society» 2011, № 13 (5), с. 788–806.

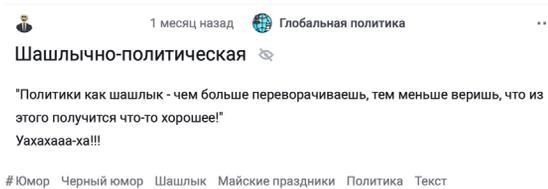
¹⁵ Z. Papacharissi, *Affective publics: Sentiment, technology, and politics*, Oxford University Press, New York 2015, с. 33.

#свободуНавальному, #маршмира, #противцензуры, #Запутина (Instagram) и др. Брунс и Берджесс считают, что «хештеги помогают создавать аудитории *ad hoc*, которые становятся активными агентами социально-политической мобилизации»¹⁶.

Таким образом, совокупность перформативной, аффилиативной, аффективной и мобилизующей функций хештегов позволяет рассматривать их как многоуровневые семиотические единицы, которые не только структурируют коммуникацию, но и выступают эмблемами культурных смыслов, закрепленных в цифровом обществе.

III. ХЕШТЕГ КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРЫ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТА

Тег является эмблемой, «представляющей способ мышления, который глубоко проник в культурное сознание»¹⁷. В структуре сетевого текста метки одновременно являются его частью и выделенным знаком, они выступают как навигационные маркеры, указывая тему или тон высказывания, а также играют роль прагматических рамок, так как задают тональность и интерпретационный контекст. Теги размещаются в начале и конце поста¹⁸, комментария, где функционируют как своеобразное резюме, тематический ярлык или метаязыковой комментарий.

(<https://pikabu.ru>)¹⁹

¹⁶ A. Bruns, J. Burgess, *The Use of Twitter Hashtags in the Formation of Ad Hoc Publics*, Paper presented at the 6th European Consortium for Political Research General Conference, University of Iceland, Reykjavík 2011, с. 1.

¹⁷ M. Zappavigna, *Searchable Talk: Hashtags and Social Media Metadiscourse*, Bloomsbury Academic, London 2018, с.17.

¹⁸ Теги размещаются также в структуре текста, создавая гиперссылки, которые соединяют сообщения с более широкими потоками информации.

¹⁹ В рассматриваемых примерах намеренно не приводятся полные ссылки на источники (они предоставлены в распоряжение редакции), поскольку размещенные там материалы потенциально могут послужить основанием для привлечения их авторов к юридической ответственности на территории РФ.

Теги #юмор, #черныйюмор в приведенном примере резюмируют пост и указывают на развлекательный контент, способствуют установлению легкого тона и формируют сообщество, объединенное общим кодом шуток на политические темы. Вместе с тегом #политика несут провокационный оттенок критики через иронию для выражения гражданской позиции или демонстрации вовлеченности. #Шашлык и #Майские праздники ссылаются на отдых и национальные ритуалы, при этом могут выполнять функцию маскировки иронии или критики. #Текст подчеркивает наличие смыслового содержания, заявляя о намерении автора донести суть до размышления читателя. Чаще всего пользователи социальных сетей замечают метки постфактум. Тогда теги, как в анализируемом примере, служат интерпретационным резюме или постсемантическим уточнением, позволяющим рефлексивно осмыслить прочитанное и сопоставить личные впечатления с предполагаемыми авторскими интенциями.

Восприятие тегов в тексте представляет собой многогранный феномен, который зависит от индивидуальных читательских стратегий. На уровне первичной перцепции теги могут выполнять функцию паратекста, пролога, предустановливающего модальность восприятия основного содержания. В зависимости от их расположения в структуре сообщения теги выполняют различные функции. Тег, размещенный над основным текстом, является нарративным импульсом и может служить отправной точкой личного или коллективного рассказа (ср. #янебоюсьсказать²⁰, VK). Хештеги нередко выступают как декларация убеждений, определение политической позиции, идеологические лозунги, являясь инструментом самоидентификации и мобилизации (ср. #спасибодедузапобеду²¹, VK). Кроме того, теги могут выступать как элемент фона сообщения и восприниматься как

²⁰ Активистский маркер, инициировавший волну свидетельств о сексуализированном насилии и ставший частью более широкого общественного движения (Украина, Россия, Беларусь). В контексте усиления государственного контроля над содержанием Рунета был заменен пользователями на #насилие, смещая акцент на универсальное обозначение проблемы и избегая возможной цензуры. Хештег параллельно стал использоваться также для объединения ЛГБТ-сообществ (признаны экстремистскими).

²¹ Тег-лозунг выражает поддержку государственной исторической повестке, используется как средство идентификации с коллективной памятью о ВОВ и как форма мобилизации в рамках общенациональных праздников и митингов, таких как День Победы, Бессмертный полк и др.

аффективное поле, в котором происходит интерпретация текста без его непосредственного прочтения (#ихтамнет²², X). Таким образом, читатели могут сначала обращать внимание на теги, благодаря им делать выводы и принимать решения, не углубляясь в основной текст.

В социальных сетях встречаются публикации, в которых русскоязычные авторы частично или полностью отказываются от традиционной формы высказывания в пользу сжатой последовательности хештегов²³. Ниже приведен пример поста-комментария, в котором теги, являясь его неотъемлемой частью, расширяют семантику основного сообщения-мнения, объясняют контекст, оценивают и раскрывают авторскую позицию²⁴.

Страну превратили в театр абсурда и люди в этом живут.... 🤔😂😂😂
 #политикароссии #путинвойна #путинвор #путинхуйло
 #путинубийца #путиннашпрезидент #путинизм #путинтеррорист
 #акунин #хамас #талибан #врагнарода #враг #диктатор #диктатура
 #россия #россиявперед #россиябудетсвободной

(<https://x.com>)

Смысловое поле сообщения, с одной стороны, организовано через эмодзи — модальные маркеры иронии, абсурда, сарказма, с другой стороны, через взаимное сопоставление тегов и создаваемый ими эффект. Теги формируют структуру, лишённую связующих элементов, в которой значения передаются не напрямую, а имплицитно, за счет семантиче-

²² Интернет-мем и неологизм, обозначающий отрицание Россией военного присутствия, прежде всего в Украине с 2014 года. Термин закрепился в украинских и российских СМИ как обозначение военнослужащих без знаков различия. Тег выступает не только фактологической отсылкой, но и аффективным маркером: через иронию (Ну да, конечно, #ихтамнет, X), сарказм (#ихтамнет, но похороны идут, X) и превращение официальной формулы в шутку, он выражает насмешку, недоверие и протест.

²³ Подобные многоэлементные наборы тегов встречаются на таких платформах, как Instagram, VK и TikTok. Широкое распространение получил межплатформенный обмен хештегами, который позволяет создавать трансмедийные сообщества.

²⁴ Импульсом к созданию поста стало внесение писателя Бориса Акунина в реестр иноагентов, перечень террористов и экстремистов Росфинмониторинга.

ски противоречивых или ироничных сочетаний: например, #путиннашпрезидент²⁵, размещенный рядом с #путинвойна, #путинубийца #путнизм, #путинтеррорист, #путинвор и #путинхуйло. Включение тегов #хамас, #талибан²⁶ и их сопоставление с метками #акунин, #врагнарода, #враг и #политикароссии позволяет отнести сообщение к конкретному событию. Такой прием создает семантический контраст, благодаря чему воспринимаемое целое читается как критический и ироничный комментарий. В прагматическом аспекте автор сообщения таким образом реагирует на действительность и эмоционально ее комментирует. Хештеги в этом контексте выступают в роли речевых актов: обвиняют, высмеивают, оскорбляют, осуждают и призывают к изменениям. С семиотической точки зрения, анализируемые метки функционируют как индексы (#путинтеррорист, #путинвор, #диктатор) и как символы протеста (#россиябудетсвободной, #россиявперед²⁷). В совокупности они формируют карту действительности, в которой адресат должен эмоционально ориентироваться, понять контекст и найти свое место.

IV. ХЕШТЕГ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЗНАК

С точки зрения семиотики, тег — это культурный знак, значение которого не является зафиксированным и окончательным, а динамично конструируется в коммуникативных практиках. В сетевом дискурсе он функционирует как пространство согласования значений, маркер дискурса, восприимчивый к различным интерпретациям и зависящий от коммуникативных намерений отправителя, платформы, события, культурного кода и медиа-контекста.

Далее в тексте вводится понятие государственного дискурса, чтобы показать, как в цифровой среде институциональные

²⁵ Интерес вызывает присутствие тега #путиннашпрезидент, который в контексте оппозиционных тегов, утрачивает буквальность и приобретает ироническую семантику.

²⁶ Эти названия ранее однозначно функционировали в российском публичном поле как маркеры внешней угрозы, «экстремистского и террористического» присутствия. Однако в новой политической реальности Россия де-факто вступает в политический диалог с этими силами.

²⁷ Тег, ассоциирующийся с патриотической риторикой, в данном контексте может иронизировать над вектором движения страны, как синтагматическая шутка: вперед, но куда?!

смыслы, транслируемые властью через хештеги, сталкиваются с альтернативными интерпретациями, трансформируются и становятся полем семиотической борьбы.

Государственный дискурс понимается как совокупность коммуникативных стратегий, создаваемых, поддерживаемых или контролируемых государственными институтами, включая официальные СМИ, госадминистрацию, вооруженные силы и структуры безопасности. Этот дискурс строится на официальных каналах коммуникации, нормативном языке, контроле над интерпретациями и установленных границах допустимого высказывания²⁸. В цифровом пространстве государственный дискурс не существует в единой, однородной форме. Он подвергается медиации, ремедиации и реполитизации. Государственный дискурс, как любой другой, может воспроизводиться сторонниками власти, ботами, тролль-фермами, трансформироваться через мемы, иронию, теги, пародироваться или критиковаться блогерами, гражданами, активистами. В этом смысле речь идет не об одном государственном дискурсе, а о его различных представлениях и трансформациях в рамках цифрового пространства. В такой среде хештег не обладает одним «истинным» значением, а функционирует как семантическое поле — пространство, в котором значения присваиваются, исключаются, подвергаются субверсии, ресемантизации и кодированию. К тегам государственного дискурса можно отнести гегемонистские метки: #патриотизм, #скрепы²⁹, #русскиймир, #КрымНаш, #СвоихНеБросаем, #нашапобеда, #заправду, #нашигерои, #СилаРоссии, которые используются в качестве эмблем дискурса, структурируют государственное повествование, поддерживают в общественном сознании идеологические основы и выполняют функцию легитимизации власти. Указанные теги, критически переосмысленные пользователями, в оппозиционном интернет-пространстве утрачивают статус инструментов официального дискурса и превращаются в элементы сатирического или

²⁸ См. Н.В. Морозова, *Два измерения соотношения языка и власти*, «Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения» 2015, № 2, с. 114–122.

²⁹ Духовные скрепы, или просто скрепы — обозначение духовных основ, которые, как предполагается, должны объединять общество современной России. Выражение довольно широко используется в государственной риторике. Понятие дискредитировало себя в интернет-пространстве, как инструмент оправдания власти и стало интернет-мемом, поводом для иронии и насмешек.

контркультурного высказывания (#русскиймир #ихтамнет #потерьнет³⁰ #вынепонимаетеэтодругое³¹, X). Это отражает важный прагматингвистический сдвиг, при котором язык становится не просто средством описания реальности, но и инструментом ее оценки. Так, в контексте событий в Украине государственная риторика была юридически подкреплена рядом документов³², устанавливающих допустимые способы описания происходящего. Например, слово *война* было заменено эвфемизмами *специальная военная операция*, *СВО*, что должно было повлиять на восприятие новой реальности. В результате использование хештегов #война, #нетвойне #вторжение #агрессия в публичном сетевом пространстве стало поводом для санкций, теги подверглись цензуре посредством алгоритмов, блокирующих публикации в российских социальных сетях.

³⁰ В дискурсе официальных заявлений данная формула функционирует как отрицание наличия потерь [«Потерь в вооруженных силах России нет»; см.: <https://www.gazeta.ru/army/2022/02/25/14577229.shtml> (25.02.2022)], тогда как в меметическом дискурсе она подвергается ироническому переосмыслению и используется для критики официального нарратива (Мурманская обл., #потерьнет: «В Алакуртти открыли мемориал в память о погибших бойцах СВО», X).

³¹ Идиоматическое выражение (варианты: #этодругое и #пониматьнадо), интернет-мем, возникший как саркастическая реакция на проявление двойных стандартов в политических дискуссиях. Выполняет перформативную функцию, демонстрирует позицию отправителя информации как «лучше информированного», устанавливая иерархию знания и авторитета. Фраза «Это понимать надо!» стала крылатой идиомой, тесно ассоциирующейся с В. Жириновским благодаря его эмоциональной манере речи; Схожую риторику использует В. Путин «Нужно понимать, в какой стране мы живем, и не раздражать людей» [см.: <https://vm.ru/news/270130-vladimir-putin-nuzhno-ponimat-v-kakoj-strane-my-zhivem-i-ne-razdrazhat-lyudej> (23.12.2016)]. Идиома получила визуальное оформление в виде пародии на логотип студии 20th Century Fox, что способствовало ее широкому распространению в соцсетях. Со временем мем стал универсальным инструментом сатирической критики лицемерия, противоречий и нелогичной аргументации в различных дискурсивных контекстах: политическом (#всрф #этодругое #мемориал #груз200, X), экономическом (#капитализм #кризис #инфляция #пониматьнадо, X), социальном («Женские двойные стандарты #вынепонимаетеэтодругое», Instagram) и др.

³² Закон устанавливает уголовную ответственность за распространение «ложной информации» об армии РФ, включая высказывания, хештеги, посты в соцсетях и объявления (Статья 207.3 УК РФ, № 32-ФЗ, Статья 280.3 УК РФ, № 32-ФЗ). В административном кодексе за подобные нарушения предусмотрены штрафы до 50 000 Р для граждан и более крупные для должностных и юридических лиц (Статья 20.3.3 КоАП РФ) и др.

В этой связи в структуре тегов появились меметические практики и элементы языкового «взлома», т.е. сопротивление официальной нормативности через креативное переосмысление лексических единиц. Так, блокируемый в цифровом пространстве хештег #нетвойне заменяется альтернативными формами (#антимилитаризм, #пацифизм) и аббревиатурами (#nv, #nw, #sw), интерпретируемыми как «нет войне», «not war» и «stop war» соответственно. Подобные стратегии позволяют не только обходить алгоритмическую цензуру, но и расширять дискурсивные рамки антивоенного высказывания. Хештеги, ассоциируемые с государственным дискурсом, в цифровой среде выступают также как фонетико-семантические каламбуры или визуальные коды, основанные на иронии, игре слов и инверсии исходных ценностей. Например, #мобилизация трансформируется в #могилизация, #патриотизм — в #патологизм, #скрепы — в #степы. Подобные формы встречаются преимущественно в антивоенной части русскоязычной мемосферы³³ и служат инструментом деконструкции государственного дискурса.

В соответствии с концепцией полидискурсивности один и тот же хештег может одновременно выступать как инструмент гегемонии, так и средство сопротивления, что делает его исключительно продуктивным семантическим полем. В нижеприведенном материале данное свойство в полной мере реализуется прежде всего в отношении символа Z.

Буквы Z, O и V, появившиеся в российском государственном дискурсе в 2022 году, быстро приобрели идентификационную и идеологическую функцию. В официальной риторике они символизировали патриотизм, силу и «борьбу с нацизмом»³⁴. Эти обозначения маркировали военную технику и служили визуальной легитимацией действий государства. В дискурсе официальных заявлений доминировали следующие интерпретации:

³³ Это динамичная и многослойная коммуникативная среда, объединяющая пользователей из России, стран постсоветского пространства и русскоязычную диаспору по всему миру. Ее отличает высокая степень иронии, самоиронии и политической рефлексии, адаптация западных мемов под местные реалии, а также специфический культурный код, понятный «своим». Это пространство, в котором одновременно сосуществуют постирония, сарказм, политический активизм и чисто бытовой юмор.

³⁴ P. Kerley, K. Greenall, *Ukraine war: Why has 'Z' become a Russian pro-war symbol?* BBC, 7 March 2022, <https://www.bbc.com/news/world-europe-60644832> (04.05.2025).

Z – «За победу», V – Victory «Победа»³⁵, «Сила в правде»³⁶ или «Задача будет выполнена»^{37, 38}.

Акроним ZOV оформился в коммуникативных практиках и функционировал как полисемантический символ, активирующий различные интерпретации исключительно внутри проправительственного идеологического поля. В публичном дискурсе ZOV подвергался дополнительной семиотизации, был наделен архаизирующим, сакральным смыслом через отсылку к старославянской традиции. «Z – «Земля» (созданная Им), O – «Онъ» (Бог, Творец), V – «Ижица» (совершенная душа)»³⁹. Такая интерпретация усиливает эффект символического призыва к действию (от слова «зов» – призыв, клич), придавая акрониму метафизическое измерение и формируя образ «божественного мандата». В результате ZOV выступает как многослойная метафора, функционирующая одновременно на политическом и экзистенциально-религиозном уровнях: «#христианство #Россия #СВО #ZOV #Русь #war #evil #God»⁴⁰.

³⁵ Буква «V» была введена в публичный дискурс как отсылка к победе (*victory*) в названии вакцины Sputnik V. Это позволило с помощью инструментов мягкой силы выстроить нарративную корону вокруг российских научно-технологических достижений. См.: Z. Nowożenowa, A. Klimkiewicz, *Лексические орбиты «спутника»: прагматика vs семантика*, «Polilog, Studia Neofilologiczne» 2023, ч. 1, № 13, с. 199–214; 2023, ч. 1, № 13, с. 235–254.

³⁶ Ключевая цитата из культового российского фильма *Брат 2* (реж. Алексей Балабанов, 2000): «Сила — в правде. У кого правда, тот и сильней. Вот ты говоришь: денег много. Ну и что? Я вот думаю, что сила — в правде. У кого правда, тот и сильней». В контексте культурного и политического дискурса формула приобрела статус идеологемы, выражающей представление о моральном превосходстве и справедливости. Используется как знак идентичности, протеста или иронического переосмысления, демонстрируя знаковую гибкость и высокую семиотическую нагрузку.

³⁷ Фраза, ставшая узнаваемым мемом и риторической формулой после ее регулярного употребления в официальных заявлениях российских властей и представителей Минобороны, маркер официальной, отстраненной риторики.

³⁸ РБЦ.ру, *Минобороны объяснило значение символов на российской технике на Украине*, https://www.rbc.ru/politics/03/03/2022/622001bf9a794738ce735b2b?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (01.05.2025).

³⁹ Летка.рф, *ZOV — что означают знаки на русской военной технике и почему мы используем «чужие» буквы?* <https://www.летка.рф/news/z-o-v-chto-oznachayut-znaki-na-russkoy-voennoy-tehnike-i-pochemu-my-ispolzuem-chuzhie-bukvy> (29.04.2025).

⁴⁰ Сообщение в частном аккаунте, <https://x.com/AlichersoulUz/status/1826775383577932128> (22.04.2025).

Буквы, используемые в хештегах, становятся семиотическими маркерами гегемонического дискурса власти, легитимирующими военные действия: #Z, #ZOV, #ZaНаших, #ZaМир, #НеЗабудем, #ГероиZ, #АрмияZ, #ZaПобеду, #ZaПацаноV (X.com). В российском цифровом пространстве символ Z сохраняет исключительно серьезный, мобилизующий характер, лишенный иронии или пародирования, поскольку любая игра со знаком может быть рассмотрена как «дискредитация армии» и стать причиной уголовного преследования. В то же время на начальном этапе конфликта в русскоязычном сегменте сети именно Z проявил свойства полидискурсивного знака: пользователи дискредитировали его, наделяя отрицательной семантикой и отсылая к фашистской символике (#Z #фашиZм #РоZZия, X). Хештеги использовались для критики государственного аппарата, участников и сторонников войны, а также для указания на абсурдность официальной риторики РФ (#Zомби #Зомбоящик #ZaZеркалье⁴¹, X). В западных и украинских контекстах употребление символа Z было запрещено на юридическом уровне⁴², вследствие чего он утратил потенциал иронической переработки и окончательно закрепился как знак агрессии и оккупации⁴³.

⁴¹ Ироничный тег, аллюзия на «Зазеркалье» из произведения Льюиса Кэрролла *Алиса в Зазеркалье*. Используется в сетевом дискурсе как метафора «страны абсурда», где официальная риторика искажает реальность, а логика политического языка приобретает гротескные формы.

⁴² В 2022 Парламент Украины принял Закон «Про заборону пропаганди російського нацистського тоталітарного режиму, збройної агресії Російської Федерації як держави-терориста проти України, символіки воєнного вторгнення російського нацистського тоталітарного режиму в Україну», законопроект № 7214, <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2265-20#Text> (01.05.2025). Несколько стран запретили публичное использование символов Z и V, связанных с российским вторжением в Украину: Казахстан, Латвия, Молдова, Украина, Литва, Ирландия, Эстония, Германия, Чехия. В Чехии и Латвии символы приравнены к нацистской символике и рассматриваются как признаки поддержки агрессии и военных преступлений.

⁴³ В польском цифровом дискурсе появляются теги, такие как #rusksimir, #ruSSia или #russianhateclub (wykop.pl), которые выполняют функцию символического сопротивления России, приравнивая современную российскую политику к фашистской идеологии и репрессивному аппарату Третьего рейха. Подобные метки обладают не только политическим, но и семиотическим характером, поскольку выступают инструментом деконструкции российских гегемонистских нарративов, подрывая их легитимацию и наделяя их альтернативными, критическими значениями в цифровом пространстве.

V. ВЫВОДЫ

Анализ функционирования тегов в российском и русскоязычном цифровом пространстве демонстрирует их способность объединять различные уровни значений и дискурсивных порядков, что приводит к более широкой рефлексии о природе самого хештега как коммуникативной формы. Метки в русскоязычном цифровом пространстве выполняют различные функции: они одновременно являются текстом, знаком, мета-комментарием, инструментом формирования сообществ и механизмом выражения эмоций. Русскоязычное интернет-пространство отличается высокой динамикой и креативностью в использовании тегов как для серьезных политических сообщений, так и для иронии, абсурда и языковых экспериментов.

Рассматривая хештег как коммуникативную единицу, можно предположить, что он является многодискурсивной формой. Благодаря своей способности функционировать одновременно как текст, знак, мета-комментарий, инструмент формирования сообщества и механизм аффективного выражения, он выходит за рамки одного дискурса. Его природа основана на постоянном перемещении между дискурсами, их посредничестве, объединении и трансформации. В этом смысле многодискурсивность — это не просто описательная характеристика, а концептуальный инструмент, позволяющий уловить динамичную, гибридную и реляционную логику коммуникации на платформах. Хештег становится своеобразным интерфейсом между пользователем и системой, между частным и публичным, между аффектом и политикой, между информацией и перформансом.

REFERENCES

- Adamska, Karolina. "Hashtag, czyli komunikat? Rola i funkcje hashtagów na Twitterze." *Studia Medioznawcze*, 2015, no. 3 (62): 61–70.
- Bruns, Axel, Burgess, Jean. "Twitter Hashtags from Ad Hoc to Calculated Publics." *Hashtag Publics: The Power and Politics of Discursive Networks. Digital Formations*. Rambukkana, Nathan (ed.). vol. 103, Peter Lang, 2015: 13–27. <<https://snurb.info/files/2015/Twitter%20Hashtags%20from%20Ad%20Hoc%20to%20Calculated%20Publics.pdf>>.
- Bruns, Alex, Burgess, Jean. "The Use of Twitter Hashtags in the Formation of Ad Hoc Publics." Presented at the 6th General Conference of the European Consortium for Political Research (ECPR), University of Iceland, Reykjavík, 25–27

- Aug. 2011, <<https://snurb.info/files/2015/Twitter%20Hashtags%20from%20Ad%20Hoc%20to%20Calculated%20Publics.pdf>>.
- Cheba, Patrycja. "Hasztagosfera jako nowy wymiar komunikacyjny na przykładzie protestu kobiet." *Zarządzanie Mediami*, 2020, no. 8 (2): 95–110.
- Hutchinson, Andrew. "X Bans Hashtags from Ads, Calls Them 'Aesthetic Nightmare'." *Social Media Today*, 26 June 2025, <<https://www.socialmediatoday.com/news/x-formerly-twitter-bans-hashtags-from-promoted-posts-ads/751782>>.
- Kerley, Paul, Greenall, Robert. "Ukraine War: Why Has 'Z' Become a Russian Pro-War Symbol?" *BBC News*, 7 Mar. 2022, <www.bbc.com/news/world-europe-60644832>.
- Klimkiewicz, Aleksandra. "#rosjatanumyslu #6okopiejkzawpis: stereotypy etniczne zakłète w hasztagach." *Przegląd Rusycystyczny*, 2022, no 4: 185–205.
- Klimkiewicz, Aleksandra. "Hasztag #rosja jako stereotyp wroga." *Studia Interkulturowe Europy Wschodniej*, 2022, no. 15: 175–189.
- Nowożenowa, Zoja, Klimkiewicz, Aleksandra. "Лексические орбиты 'спутника': прагматика vs семантика." *Polilog, Studia Neofilologiczne*, 2023, part 1, no. 13: 199–214; 2024, part 2, no. 14: 235–254.
- Mazurek, Kamil. "#hashtag — element dyskusji w mediach społecznościowych." *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis, Studia De Cultura*, 2019, vol. 11, no. 1: 49–65.
- Page, Ruth. "The Linguistics of Self-Branding and Micro-Celebrity in Twitter: The Role of Hashtags." *Discourse & Communication*, 2012, vol. 6, no. 2: 181–201.
- Papacharissi, Zizi. *Affective Publics: Sentiment, Technology, and Politics*. London: Oxford University Press, 2015.
- Przyborowicz, Justyna. "Hashtag a wspólnota medialna w środowisku oporu." *Zarządzanie Mediami*, 2014, no. 2 (2): 91–98.
- Sobczak, Barbara. "O funkcjach hasztagu na Twitterze." *Poradnik Językowy*, 2020, no. 4: 35–50.
- Styś, Krystian. "Funkcje i językowe kreacje hasztagów w języku raperów." *Słowo. Studia językoznawcze*, 2017, no. 8: 299–318.
- Zappavigna, Michele. "Ambient affiliation: A linguistic perspective on Twitter." *New Media and Society*, 2011, no. 13 (5): 788–806.
- Zappavigna, Michele. *Searchable Talk: Hashtags and Social Media Metadiscourse*. London: Bloomsbury Academic, 2018.
- Гурова, Евгения, Ломыкина, Наталья, and Спиртова, Дарья. "Хештег как единица медиакommunikации." *Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции*. Гончарова, Любовь et al. (ed.). Калининград: Дело (РАНХиГС), 2019: 42–45.
- Закон «Про заборону пропаганди російського нацистського тоталітарного режиму, збройної агресії Російської Федерації як держави-терориста проти України, символіки воєнного вторгнення російського нацистського тоталітарного режиму в Україну», законопроект № 7214, <<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2265-20#Text>>.
- Летка.рф. "ZOV — что означают знаки на русской военной технике и почему мы используем 'чужие' буквы?" <<https://www.летка.рф/news/z-o-v-ch-to-oznachayut-znaki-na-russkoy-voennoy-tehnike-i-pochemu-my-ispolzuem-chuzhie-bukvy>>.

ХЕШТЕГИ И ПОЛИТИКА...

- Морозова, Наталья Владиславовна. “Два измерения соотношения языка и власти”. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*, 2015, no. 2: 114–122.
- Орешкина, Анастасия, Сабаева, Юлия. “Коммуникативная функция хэштега в гиперрадиотексте.” *Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов IX (XXIII) Международной научно-практической конференции молодых ученых (14–16 апреля 2022 г.)*, vol. 23, Кожевникова, Анна (ed.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2022: 62–67.
- РБЦ.ру, “Минобороны объяснило значение символов на российской технике на Украине,” <https://www.rbc.ru/politics/03/03/2022/622001bf9a794738ce735b2b?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop>.
- Скирко, Мария, Корнеева, Елена. “Цифровая солидарность и использование хэштегов как способ маркировки экологических сообществ.” *Коммуникология*, 2023, no. 11 (1): 131–141.
- Статья 20.3.3 КоАП РФ, Административная ответственность за дискредитацию ВС РФ, <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/921d-61f629b31865b3a24b3049bec22b92f17224>.
- Статья 207.3 УК РФ, Публичное распространение заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации, Федеральный закон, № 32-ФЗ, <<https://legalacts.ru/kodeks/UK-RF/osobennaja-chast/razdel-ix/glava-24/statja-207.3/>>.
- Статья 280.3 УК РФ, Публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ, Федеральный закон № 32-ФЗ, <<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203040007>>.
- Федорченко, Сергей. *Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации*. Москва: Проспект, 2023.
- Федорченко, Сергей. “Хештеги: механизм легитимации политического режима или манипулятивная ловушка?” *Обозреватель–Observer*, 2019, no. 7: 28–41.